

НОВЫЯ ОРУДІЯ РАЗРУШЕНІЯ.

Болѣ двухъ столѣтій послѣ изобрѣтенія пороха, нѣсколько десятилѣтій послѣ первыхъ опытовъ широкаго примѣненія артиллеріи, французскій историкъ и полководецъ Монлюкъ писалъ въ своихъ Мемуарахъ (которые Генрихъ IV прозвалъ «библіей солдата»): «о, если бы Богу было угодно не допустить изобрѣтеніе этого несчастнаго орудія (пушки)! Столько храбрыхъ и доблестныхъ людей не погибло бы тогда отъ руки тѣхъ, кто не осмѣлился бы взглянуть имъ въ лицо и повергаетъ ихъ на землю издалика своими несчастными ядрами! Это выдумки діавола, который хочетъ, чтобы мы убивали другъ друга!» Младшій современникъ Монлюка, Браптомъ, объясняя пораженіе французовъ при Пави дѣйствіемъ испанской артиллеріи, называетъ это дѣйствіе «нарушающимъ военныя правила и производящимъ смятеніе и безпорядокъ». Такъ медленно и трудно укоренялась привычка къ новымъ способамъ веденія войны, къ новымъ методамъ взаимнаго уничтоженія.

Въ нашъ вѣкъ изобрѣтеній, непрерывной вереницей являющихся на свѣтъ въ военномъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ областяхъ жизни, все новое усваивается скорѣе и легче, чѣмъ прежде. И все-таки, нынѣшняя война возбуждаетъ иногда чувства, сходныя съ тѣми, которыя испытывались на рубежѣ среднихъ вѣковъ и поваго времени. Конечно, теперь никому не приходитъ на мысль, что для артиллерійской службы требуется меньше мужества, чѣмъ для пѣхотной или кавалерійской; вѣдь и Монлюкъ могъ бы вспомнить, что и до изобрѣтенія пороха борьба велась не всегда лицомъ къ лицу, и когда не было ядеръ, издалика поражали стрѣлы. Никто, также, не станетъ утверждать, что не нужна храбрость для экипажа дирижабля, сбрасывающаго бомбы съ недостижимой высоты, или для экипажа подводной лодки, невидимо и неслышно атакующей военный корабль; все знаютъ, что весьма серьезна, въ обоихъ случаяхъ, опасность, грозящая нападающимъ. Едва ли, однако, отношеніе къ новымъ орудіямъ смерти у большинства свидѣтелей переживаемой нами войны, совершенно такое же, какъ къ старымъ. Смущаетъ невозможность предвидѣть, невозможность или крайняя трудность предотвратить надвигающуюся бѣду; удручающее впечатлѣніе производитъ моментальное исчезновеніе цѣлаго судна, съ сотнями людей, за секунду передъ тѣмъ далекихъ отъ мысли о страшномъ концѣ—исчезновеніи, весь ужасъ котораго часто поддается только догадкамъ, такъ какъ разсказать о немъ ничто не

можетъ. На одинъ рядъ съ подводными лодками могутъ быть поставлены, съ этой точки зрѣнія, нѣсколько раньше вошедшія въ употребленіе, подводныя мины.

И все же болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ новымъ носителямъ смерти—если только, послѣ настоящей мировой борьбы, не наступитъ конецъ эпохѣ войнъ—XX вѣкъ привыкнетъ, подобно тому, какъ XVI или XVII привыкъ къ пушкамъ и артиллерійскимъ снарядамъ. Объ изъятіи изъ обращенія, въ ближайшемъ будущемъ, воздушнаго и подводнаго нельзя думать уже потому, что и тотъ и другой вошли или входятъ въ военный обиходъ всѣхъ культурныхъ націй. Но какъ бы велика ни была сила привычки, съ однимъ она примирить ни въ какомъ случаѣ не можетъ: съ варварскимъ злоупотребленіемъ новыми орудіями разрушенія. Если въ концѣ XVII вѣка пушки, гремяція на полѣ битвы, никому уже не казались нечадеи дьявола, то это не мѣшало учителямъ Палатината—а велѣтъ за ними и широкимъ кругамъ евронеискаго общества—проклинать французскую стрѣльбу, обращавшую въ развалины гейдельбергскій замокъ, или соедня съ нимъ, мирныя деревни. Нѣчто подобное совершается теперь на нашихъ глазахъ. Когда мина, пущенная съ подводной лодки, уничтожаетъ военный корабль, это разсматривается какъ одинъ изъ тѣхъ военныхъ эпизодовъ, въ которыхъ, несмотря на всю ихъ жестокость, нѣтъ ничего нарушающаго, такъ называемые, ея законы. Совсѣмъ иначе дѣйствуетъ извѣстіе о гибели пейтрального коммерческаго судна, взорвашагося на подводной минѣ среди нейтральныхъ водъ, т.-е. тамъ, гдѣ оно должно было считать себя совершенно безопаснымъ. Глубочайшее негодование вызвала вездѣ, за предѣлами Германіи и Австріи, недавняя германская угроза топить минами съ подводныхъ лодокъ нейтральныя суда, дерзающія вступитъ въ сферу мнимой германской блокады... Всего яснѣе громадное различіе въ настроеніи и образѣ дѣйствій воюющихъ сторонъ выразилось въ способѣ пользованія дирижаблями и аэропланами. Воздушный флотъ державъ тройственнаго согласія вводитъ въ кругъ своихъ нападеній только то, противъ чего дѣйствуютъ ихъ войска на сушѣ и ихъ суда на морѣ: вооруженныя силы противника, его укрѣпленія, склады, магазины, однимъ словомъ—всѣхъ, активно участвующихъ въ войнѣ, все служащее ея цѣлямъ. Англійскіе летчики бросаютъ бомбы въ Дюссельдорфскій арсеналь, въ Кельнскіе ангары, въ прибрежныя батареи на бельгійской территоріи, занятой германцами, французскіе летчики атакуютъ Фридрихсгафенскую фабрику цеппеллиновъ. И въ то же самое время германскіе летчики убиваютъ прохожихъ на улицахъ Парижа, пытаются поджечь соборъ Парижской Богоматери, разрушаютъ обывательскіе дома въ незащитныхъ городахъ восточнаго англійскаго или русскаго Балтійскаго побережья. Правда, ихъ образъ дѣйствій не отличается отъ того, что дѣлаютъ ихъ собратья въ арміи и флотѣ—германская артиллерія разрушаетъ Реймскій соборъ, германскія суда бомбардируютъ Скарборо и Либаву, бывшіе германскіе крейсера, перейдя поминально въ руки турокъ, обстрѣливаютъ Феодосію и Ялту. Но въ нападеніи съ высоты, при прочихъ равныхъ условіяхъ, есть нѣчто только ему свойственное: оно грозитъ опасностью, ипчѣмъ неотвратимую, мѣстностямъ, далекимъ отъ театра войны и наименѣе, поэтому, готовымъ къ защитѣ и отпору, оно разсчитано на возбужденіе паническаго страха среди населенія, котораго иначе не могли бы, непосредственно, коснуться бѣдствія войны. Англійскій, русскій, или французскій летчикъ, помимо опасности отъ несчастнаго случая съ его аппаратомъ, рискуетъ одинаково съ пѣхотинцемъ или артиллеристомъ; германскій летчикъ, сбрасыва-

вающей бомбы въ Ярмутъ или Либаву, рискуеть, въ сущности, немногимъ больше, чѣмъ при учебномъ полетѣ съ аэродрома. Летчики союзныхъ войскъ— настоящіе воины; германскій летчикъ, отправляющійся убивать мирныхъ людей, не заслуживаетъ этого почетнаго имени... Нужно надѣяться, что по окончаніи войны будетъ устранена возможность повторенія явленій, покрывшихъ позоромъ германскія правительственныя и высшія военныя сферы.

Съ древнѣйшихъ временъ на войнѣ получила право гражданства, такъ называемая, военная хитрость. Совершенно допустимымъ считалось и считается введеніе противника въ заблужденіе демонстраціями, фальшивыми атаками, мнимымъ отступленіемъ или, наоборотъ, мнимымъ сохраненіемъ за собою прежней позиціи; устраивались и устраиваются засады, подводились и подводятся въ глубокой тайнѣ, мины и контръ-мины. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что безспорно дѣйствующимъ, хотя нигдѣ прямо не выраженнымъ, признавалось и признается одно правило: хитрость не должна переходить въ такой обманъ, противъ котораго безпальна величайшая осторожность—безсилна потому, что нѣкоторая доля правдивости предполагается обязательною и по отношенію къ противнику. Недозволительно, на примѣръ, съ этой точки зрѣнія, подача сигнала о сдачѣ, съ цѣлью заманить врага въ свои ряды или, приблизившись къ нему, внезапно подвергнуть его убійственному обстрѣлу, недозволительно переодѣваніе воинской части, съ такою же цѣлью, въ вражескіе мундиры. Съ честной войной такіе приемы несовмѣстимы, они разрушаютъ то элементарное уваженіе къ противнику, которое одно только можетъ внести гуманную ноту въ жестокое дѣло. И этимъ уваженіемъ, граничащимъ съ довѣріемъ, солдаты, представленные самимъ себѣ, проникаются скоро, примѣровъ тому много въ былыхъ войнахъ между Франціей и Россіей, встрѣчаются они, невидимому, и въ настоящей войнѣ—но встрѣчаются сравнительно рѣдко, быть можетъ, именно потому, что германское военное начальство не гнушается прибѣгать къ обманамъ въ родѣ упомянутыхъ нами выше. Есть, конечно, и другая, еще болѣе серьезная причина, углубляющая демаркаціонную черту между воюющими сторонами: это—образъ дѣйствія германскихъ, а въ нѣсколько меньшей степени и австрійскихъ войскъ по отношенію къ населенію занимаемыхъ ими мѣстностей... Къ тому, что написано на эту, понетинѣ, ужасающую тему, прибавлять что-либо было бы излишне...

К. Арсеньевъ.

